

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

По поводу одного духовного концерта

«Мелкий случай, но с сотнями ему подобных он освещает, он помогает уразуметь многие темные явления нашей жизни, – эту загадочную беду нашего внутреннего общественного настроения, которую все мы болезненно ощущаем, но которой ни смысла, ни силы еще не познали, или не умеем познать. Не умеем главным образом потому, что ищем объяснения в причинах внешних, «от нас не зависящих», тогда как причины – нравственного и духовного свойства и хоронятся, большею частью, в нас же самих. Случай мелкий, по видимому, но вдумываясь в него приходишь незаметно к выводам серьезным и крупным...»

Иван Сергеевич Аксаков
По поводу одного духовного
концерта

Мелкий случай, но с сотнями ему подобных он освещает, он помогает уразуметь многие темные явления нашей жизни, – эту загадочную беду нашего внутреннего общественного настроения, которую все мы болезненно ощущаем, но которой ни смысла, ни силы еще не познали, или не умеем познать. Не умеем главным образом потому, что ищем объяснения в причинах внешних, «от нас не зависящих», тогда как причины – нравственного и духовного свойства и хоронятся, большей частью, в нас же самих. Случай мелкий, по-видимому, но вдумываясь в него приходишь незаметно к выводам серьезным и крупным.

В 8-м номере «Руси» помещена статья «Старого московского священнослужителя» по поводу духовного концерта в зале Благородного Российского Собрания 18 декабря. На этом концерте, как известно, пелась «обедня Чайковского», нашего знаменитого, талантливого композитора. Автор статьи был оскорблен в своем религиозном чувстве подобною, по его мнению, профанациею священного песнопения, которое православные христиане при-

выкли внимать не иначе как молитвенно, лишь в стенах храма, при совершении величайшего из таинств. Хороша или неудачна музыка Чайковского сама по себе, этой другой вопрос, но все же она прилажена к словам стихов и молитв, которые составляют одно живое, нераздельное целое со всей литургией, одно общее священнодействие. Понятно, что исполнение их не для верующих, а для публики, в бальной зале, за деньги, в обстановке светской, блестящей суеты, наравне с какими-нибудь оперными ариями, романсами или даже каскадными шансонетками, раздающимися иногда в тех же самых стенах на таковых же публичных концертах, не только могло, но и должно было показаться неуместным служителю алтаря, сколько-нибудь не недостойному своего звания, и подвигнуть в его душе вполне почтенную и законную ревность. Да и в нем ли одном?.. Справедливость, впрочем, обязывает нас откровенно сознаться, что мы, лично, вероятно не обратили бы на эту «концертную обедню» никакого внимания – до такой степени неуважение к народной святыне вошло у нас в общественный

обычай и нравы. Но получивши статью, мы не сочли себя вправе отказать в ее напечатании. Мало того: мы с полной готовностью и предупредительностью отвели место этому выражению благочестивой скорби и доброго негодования. Мы хорошо знали, к прискорбию, что большая часть «органов русского общественного мнения» не допустит на своих столбцах появления подобного протеста, хотя бы и вполне сдержанного по форме; не допустит не столько по причине разномыслия, сколько ради боязни подвергнуться упреку в ретроградстве, «страха ради *иудейска*», в буквальном смысле этого слова. Помещение статьи в 8-м номере «Руси» вызвало, как и следовало ожидать, со стороны некоторых наших газет разные гневные выходки и глумления, уснащенные ссылками на «постное масло», «смердящую потухшую лампаду» и тому подобные, по мнению авторов, эмблемы святости и набожности. Один из таких фельетонов, должно быть самый язвительный, был написан, сколько нам известно, именно «интеллигентным» иудеем... Так сему и быть надлежит...

Немалым также побуждением напечатать статью «Старого священнослужителя» послужило для нас собственное воспоминание об одном общедоступном или народном духовном концерте, на котором мы сами присутствовали. Он происходил раннею холодною весною, в Москве, в Манеже; простого народа было тысяч не менее пяти; исполнялась не «обедня», а некоторые церковные песнопения, и из молитв употребляющихся при литургии, единственно «Отче наш». Когда запели молитву Господню, все эти пять тысяч человек встали и перекрестились как один человек, и во все время пения стояли с обнаженными головами. Интеллигенция, сидевшая в передних рядах, упрямылась, – не хотелось ей ни вставать, ни тем менее снимать теплые шапки; однако ж большая часть из нас почувствовала себя как-то неловко и последовала примеру народной толпы: остались сидеть только *esprits forts*, «либералы», и презрительно оглядывали вставших. Из народа же многие не садились и не накрывали голов во все продолжение концерта. – Конечно, не таково, как народной толпы, было поведе-

ние публики в зале Благородного Собрания при пении «Тебе поем» и «Иже Херувимы».

Что же из всего этого следует? Неужели действительно подлежит осуждению то высокое эстетическое наслаждение, которое доставила слушателям в Собрании художественная музыка Чайковского? – Неужели и вправду это грех или преступление? Ни то, ни другое, да нет даже и надобности в постановке такого вопроса. Пусть само по себе, по существу, оно не заключает в себе ничего противного ни религии, ни учению церкви, – но есть другая сторона дела, именно та, на которую указывает апостол истинной христианской свободы, Павел. «Все мне позволено, – говорит он, – но ничто не должно обладать мною»; все мне позволено, «ничтоже скверно само собою», но «блюдите, дабы сия свобода ваша не послужила преткновением немощным». Нет греха ни в какой пище, но если она соблазняет брата моего, «не имам ясти мяса вовеки, да не соблазню брата моего!..» Здесь уже не только снисхождение, а свободное действие братской любви, уравнивающей мощного с «немощным», уважение, признание прав чу-

жой совести. Вот чем должны определяться отношения так называемой интеллигенции к тем народным массам, которые она, противопоставляя себе, отчисляет в разряд «неинтеллигентных»... Но так способны поступать люди лишь истинно свободные и истинно просвещенные. То ли мы видим у нас? Наши «либералы» и «демократы» много глагольствуют о гуманности, ратуют за материальные интересы народа с горячностью, подчас даже вполне искреннею (причем, однако, справляются не столько с действительными народными потребностями, сколько с учебниками и кодексами излюбленных ими новейших экономических или социалистических доктрин), но в грош не ставят именно того, что для русского народа святее и дороже всяких вещественных прибылей и выгод. И не для одного простонародья оно святее, дороже всего, но и для значительной части русского общества. Знает ли та, сравнительно с массой остальных небольшая кучка, гордо величающая себя «интеллигенцией», знает ли она, что к разряду «униженных и оскорбленных» в России принадлежат, благодаря ей, именно

люди, искренно верующие и чтущие «отеческие обычаи»?

Не в политическом или социальном смысле, не вещественным образом они оскорблены и унижены, а именно тем, что в области высшего общественного умственного авторитета, располагающего орудиями публичного слова, безгранично, обаятельно властвующего над умами, руководящего (хотя бы и не всегда официально) воспитанием молодых поколений, они встречают, они слышат лишь презрение и глумление к самым возвышенным своим верованиям, к самым заветным стремлениям. Да, они угнетены, они придавлены в самом святом своем чувстве постоянным страхом обиды, ложным стыдом наглой насмешки, обвинениями в отсталости, в невежестве, в обскурантизме... Мы, конечно, разумеем здесь тех скромных, простосердечных, а потому и робких, то громадное большинство, которое привыкло смиренно безмолвствовать, сознавая себя вполне безоружным перед всеоружием пера и слова так называемой интеллигенции. Нам возразят, что им за то предоставляется могучая опора внешней вла-

сти... Но кто же из них не сознает, что в сфере духовной такая опора не столько поддерживает, сколько роняет достоинство истины? Самое то, что протест «Старого священнослужителя» едва ли бы нашел себе место в какой-либо иной газете, кроме «Руси», тогда как нахальное глумление иудея над выражением чувства, общего священнослужителю со всем верующим русским народом, с отверстыми объятиями встречено органом «либеральной» «прогрессивной печати», претендующей в то же время на демократизм, не характеристическое ли это явление? В самом деле, кому оказано предпочтение пред русским народом, в чью угод, ради чего и кого нанесено оскорбление его совести хоть бы концертом 18 декабря да и множеством подобных случаев, например разрешением давать театральные зрелища Великим постом на государственных театрах? Ради лишнего эстетического или, вернее, светско-суетного услаждения меньшинства – «господ»... Так, а не иначе полагает народ.

Попробуйте заступиться за права угнетенного большинства... «Что нам за дело до гру-

бого мужичьего благочестия, – услышится в той или другой форме ответ, – мы не народ, мы публика, мы интеллигенция, нашему нраву не препятствуй, – мы на то „либералы“; другими словами: „Мы – господа! Господа – мы!“».

А возьмем в пример Англию. Уж конечно, сильные мыслители и высокообразованные умы этой страны очень хорошо понимают, что такое соблюдение воскресного дня, какое налагается английским обычаем, обличает некоторый формализм и узкость религиозного воззрения, – не включает в себя никакой высшей, безусловной истины. Конечно, ни Джон Стюарт Милль, ни Спенсер, ни Бокль, которым даже наши интеллигенты и либералы не откажут в уме и либерализме, никогда не дозволили себе оскорблять чувство своего народа явным пренебрежением к чтимому народом обычаю. От членов королевской фамилии до последнего поденщика, все соблюдают этот обычай, все ему подчиняются, без всякого нарушения своему достоинству, как бы это порою стеснительно ни было. Напротив, тем-то и крепка Англия, что не стыдится

своих преданий и исторических обыкнове-
ний, не бросает их зря, опрометью, по перво-
му зову – не страны, а каких-нибудь борзопис-
цев с либеральной кокардой!.. Когда герцог
Эдинбургский приезжал в Россию, чтоб соче-
таться браком с дочерью русского Государя,
он, не щеголяя ни святошеством, ни набожно-
стью, а просто в качестве англичанина, отка-
зался участвовать в придворном блистатель-
ном празднестве, приходившемся в воскресе-
нье, и провел этот день у себя дома. Ни он не
постыдился верности народному благочести-
вому «предрассудку», ни другим, конечно, и в
голову не пришло посмеяться над такою, ка-
залось бы, странною щепетильностью; напро-
тив, все отнеслись к ней с почтением: «Ему
это можно, он имеет право быть тем, чем он
есть, он на то англичанин!..» А вот из наших
русских, путешествующих за границей, да и
дома пребывающих, принадлежащих к кате-
гории образованных, конечно – из десяти де-
вять – зардеются, как маков цвет, при одном
намек на какую-либо приверженность к род-
ному набожному обычаю и отрекутся трижды
от солидарности «с религиозным варвар-

ством» родного народа! В то время как в некоторых просвещенных странах Европы люди судебного сословия до сих пор надевают на себя, без малейшего смущения, свой средневековый костюм, – у нас даже священники, из «либералов», забывая высокомерно и бессмысленно о народе, требуют для себя в печати избавления от рясы, *конфузящей* их в присутствии светского общества... Так, в Англии особенно должны мы поучиться этому сочетанию истинного просвещения с уважением к общенародным обычаям, к преданиям старины, к самобытности и своеобразию органического народного развития, – сочетанию истинной свободы с свободным подчинением требованию и завету нравственного народного чувства. Увы! Иначе у тех, про кого сказаны эти стихи поэта:

*Напрасный труд! Нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее;
Цивилизация для них фетиш,
И ненавистна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,*

*Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы!..*

Да, душевное холопство, душевная подлость – вот характеристические черты русской цивилизации! Переход от народного непосредственного бытия на чреду «образованности» приобретает у нас большею частью ценою нравственного падения. История семейства графов Разумовских представляет нам наглядный образец этого перерождения человеческих видов, в течение одного века, от умного пастуха до пустоголовейшего вельможи, отрекающегося от отечества, от родной веры и оканчивающего свой век за границей в бездействии и разврате. То же самое видим мы почти ежедневно, встречая благочестивого, умного мужика, твердого духом и волею, сумевшего разбогатеть, пожелавшего дать детям *господское* образование, и рядом с ним, с этим крепким как кремень мужиком: его сына, с пенсне, уже истощенного жизнью и усвоившего или, вернее, купившего себе за дорогие деньги самоновейший товар, «по-

следнее слово науки». Иначе сказать: обученного различным научным *гипотезам* ученых Европы, которые некоторые наши холопы просвещения продают за несомненные, установившиеся *аксиомы!*.. Множеством примеров могли бы мы подтвердить и иллюстрировать наши слова, но прибережем их до другого раза, а теперь спросим только о том: можно ли ожидать правильного, плодотворного развития страны, где массы народа угнетены ее интеллигенциею духовно? Где нет выхода в высшую область духа для того, что лежит в самой основе народного непосредственного бытия? Где духовный и нравственный запрос народа должен смолкать и уходить в сокровенную глубь души, не смея высказаться и обнаружиться пред лицом образованных своих классов, которым судьбы его вверены? Где идеалы народа, бытовые и гражданские, где его святыня, все чем осмысливается для него земная и земская жизнь – не чтутся, а презираются, и презираются кем? Не столько официальною, часто бессильною властью, сколько властью более действительною, властью духовного свойства, которая естественно при-

надлежит руководящей интеллигентной среде, которая встречается народу на всех путях к просвещению, которая теснит, давит, уродует все его попытки свободного, самобытного развития?

При таких условиях, при таком нравственном разрыве с народом, можем ли мы ожидать того творчества жизни, которое так Христианство и современный прогресс нужно нам и которое дается только органической ее цельностью? Какого толку можно надеяться, например, от самоуправления, если не дать ему внутренней свободы идти в уровень со степенью народного развития, а навязать ему такие европейские формы, применение которых равнялось бы, для мужика – в переносном смысле – переряживанию в тирольский костюм, в узкое трико театральных танцовщиков?..

В прошлом году один провинциальный городишко, где все городское общество состоит из купцов и мещан, возомнил, что ему действительно дано городское самоуправление. Он, конечно, не читал истории Североамериканских Штатов Лабулэ, в которой указаны

своеобразные распоряжения самоуправляющихся Штатов в 30-х и 40-х годах об ограждении общественной нравственности (распоряжения, которые потом, с постепенным ходом просвещения, постепенно же видоизменялись). Не читал он и о том, что и в настоящее время в Северной Америке есть штат, так-таки и не допускающий у себя на театре представления «Прекрасной Елены» и нисколько не смущающийся мнениями о нем ни просвещенной Европы, ни просвещенных русских прогрессистов (впрочем, последние храбры только по отношению к России, а перед Европою с Северной Америкой – пас!). Но хоть город Зарайск (кажется, это был он) и не читал об этом, но имел неосторожность, в своем простодушии, понять свое право самоуправления в американском смысле и издал постановление: изгнать из богоспасаемого Зарайска кафешантаны со всеми развращающими молодежь артистками... Не тут-то было. Поднялся административный и интеллигентный гвалт. Губернатор опротестовал распоряжение во имя... чего, не знаем, вероятно во имя нравственности или либерализма, – пресса во

имя, вероятно, либерализма и просвещения. Подите же теперь, заставьте граждан поверить своему праву самоуправления, отнестись к нему серьезно и искренно!.. С нашей же точки зрения, всякое проявление свободной жизни и самобытности, хотя бы в грубой, невежественной, даже несколько деспотической форме, мы предпочитаем отсутствию жизни – мертвечине благоустроенных извне, но неприложимых порядков. Не бойтесь природной грубой правды невежества, бойтесь пуще всего лживой цивилизации и рабского к ней отношения; не бойтесь безобразия жизни, бойтесь благообразной безжизненности.

Мы зазнались... Мы, то есть небольшая кучка, так называемая интеллигенция, космополитическая по характеру и даже по составу, если вспомнить, что уже теперь чуть ли не треть русских студентов – евреи. Зазнались пред тем громадным большинством, которое зовется русским народом, как зазнались листы пред корнями в известной басне Крылова... да: теория зазналась пред жизнью, сочинительство пред творчеством, абстракт-

ция пред практикою, публика пред мужиком, чиновники и либералы пред землею, нашею русскою землею, и ее свободою, интеллигенция пред народом и его умом!

Делилась во время оно Россия на две половины, на мужика и на барина, на бритых и небритых, битых и бьющих. Делится по-видимому надвое она и теперь. На одной стороне: теория, абстракция, сочинительство, публика, «либералы», интеллигенция (та, которая сама себя величает такою кличкой): все это и все они вместе состоят в «господах», в «привилегированных», власть имеющих. На другой стороне: народ и та часть общества, которая с ним едино сердцем и духом. Есть нечто существенное, разделяющее обе половины в самой основе, ведущее и к дальнейшему разделению. Не одному Богу они молятся, не одному нравственному идеалу служат... Много горечи накапливается в сердце народа от постоянного пренебрежения к его духовной личности, его заветной святыне, его исторической народной правде со стороны просвещенных командующих классов. «Но он молчит, народ великий», молчит и думает свою думу...

Это не угроза, а предостережение.